

«ЗАПИСКИ...» – ВОСПОМИНАНИЯ

Григорий БУДАГОВ (1901–1991)

Аннотация: Григорий Григорьевич Будагов родился в Петербурге в 1901 году, потомственный дворянин. Потомственный железнодорожный инженер-мостостроитель, по отцовской линии из карабахских армян, по материнской – из украинских помещиков. Отец – Григорий Моисеевич Будагов (1852–1921), инженер-строитель мостов и железных дорог, один из основателей г. Новониколаевска (Новосибирска), сотрудник технического комитета Народного комиссариата путей сообщения, член ВСНХ. В течение четырех лет Г.М. Будагов – производитель работ на постройке моста через реку Обь у села Кривошеково. В 1896–1899 гг. он являлся помощником начальника строительства Средне-Сибирской железной дороги. Мать – Вера Михайловна Алперс (? – 1950), из семьи помещика, преподаватель обувного ремесла. Григорий Григорьевич был репрессирован по политическим статьям и реабилитирован в 1955 году, после чего занимался проектировкой и сооружением моста в селе Венгерове Новосибирской области, в 1960 году переехал в Ленинград. Воспоминания в очень сжатом виде описывают жизнь автора и относительно подробно почти двадцатилетнее пребывание в ГУЛАГе. В 2010 году они были опубликованы ограниченным тиражом в сборнике «КарЛАГ: вечная боль суровых времен». Цифровая фотокопия была предоставлена Томским мемориальным музеем истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» (Архив общества «Мемориал». Фонд № 2. Опись 1 Коллекция мемуаров и литературных произведений. Д. 30).

Ключевые слова: Будагов, Новосибирск, Новониколаевск, Венгерове, ГУЛАГ.

Григорий Моисеевич Будагов

Часть I

Родословная

Родина моих далёких предков со стороны отца – Нагорный Карабах. Прадед мой переселился в Астрахань. Когда в 1852 году родился мой отец, Григорий Моисеевич Будагов, семья деда проживала уже в Петербурге. До рождения моего отца дед работал в каком-то департаменте небольшим чиновником. Однажды его вызвал к себе начальник, который для приветствия пренебрежительно протянул ему не руку, а два пальца. Дед протянул ему один палец и им пожал два пальца начальника. В дальнейшем дед стал работать как представитель армянских деловых кругов. Не знаю какое он имел образование, но, по словам отца, знал основательно несколько языков: русский, армянский, французский, немецкий. Делал переводы. В Петербурге он женился на девице из армянской семьи Гамазовых. У них было восемь детей, но осталось только двое – мой отец, Григорий, и его брат Николай. Дед и бабушка скончались до моего рождения, в 1901 году.

Отец окончил Петербургскую гимназию с медалью, а затем – Институт путей сообщения. Всю свою дальнейшую деятельность он посвятил в качестве участника, а затем воз-

Воспоминания

главляющего строительству крупных мостов и железных дорог в Сибири и в Европейской части страны.

В Новосибирске, где отец строил мост через Обь, он построил также школу для детей рабочих. Его именем была названа улица – Будаговская. Умер отец в 1921 году.

Моя мать украинского происхождения, дочь обедневшего Екатеринославского помещика. Окончила гимназию и обладала большими способностями художника, занималась резьбой по дереву, металлопластикой. После Октябрьской революции, в тяжёлые годы разрухи, научилась шить обувь и даже стала преподавателем этого ремесла. Умерла мать в 1950 году.

В Петербурге

Жила наша семья на Загородном проспекте, недалеко от квартиры Распутина, и я однажды видел его совсем близко, он посмотрел на меня пронизывающим взглядом. В 1920 году я поступил в Путейский институт, который окончил в 1926 году.

Семья наша состояла из пяти человек: отец, мать, старший брат Владимир, от первого брака отца, моя сестра Екатерина, и я – Григорий. Я помню брата, когда он еще был студентом путейского института. В 1906 году с практики на изысканиях Южно-Сибирской железной дороги он вернулся домой больным брюшным тифом. Болел тяжело и потерял память, вследствие чего пришлось оставить институт и работать, иногда в качестве сторожа. Вместе с тем, он был прекрасным музыкантом – играл на рояле и даже, помню, участвовал в концертах для раненых солдат в войну 1914 года. Умер брат от голода во время блокады в Ленинграде.

Сестра моя была лингвисткой, знала французский, немецкий, английский и испанский языки. Во время войны в Испании была переводчицей, а в 1941 году в кадрах Балтийского флота работала как переводчик и имела воинское звание. Погибла при эвакуации нашего флота из Таллина в Финском заливе. Её сын Алексей погиб в 1942 году на «Дороге жизни» через Ладогу при подвозке грузов в осаждённый Ленинград.

В 1920 году я поступил в Путейский институт. Окончил его в 1926 году.

В 1927 году женился. Дальнейшая моя жизнь, как инженера-путейца и как заключённого в тюрьмах, лагерях и ссылках, изложена в моих записках.

На линии

Отец мой довольно часто выезжал в 1909–1910 гг. из Томска, где было расположено управление работ по переустройству Сибирской железной дороги. Иногда он брал меня с собой, к великому моему удовольствию. Ехали мы в служебном поезде из трёх-четырёх вагонов, в последнем вагоне с салоном и «фонарём». Меня, восьми-девятилетнего, отец посвящал в вопросы строительства. Помню, заинтересовало меня очень – почему на мостах, сверху, располагаются какие-то решётки? Отец объяснил необходимость таких мостовых ферм, как передающих тяжесть поезда на опоры. Рассказывал о конструкции опор, о кессонах. А.К. Кнорре применил не как обычно железные, а деревянные кессоны собственной конструкции. Это был уникальный случай в кессонной практике при строительстве больших мостов.

В одну из таких поездок по линии я познакомился в районе Ачинска с работой экскаватора, нагружавшего в карьере грунт на подвижной состав. Помню, что экскаватор сильно дымил – он был паровой.

Однажды поезд шёл с большой скоростью. Недалеко от Нижнеудинска вагон, сойдя с рельсов, запрыгал по шпалам. Отец бросился к тормозу и остановил состав. К счастью, всё обошлось благополучно – разбился только стакан. Вскоре появился машинист – молодой человек, бледный и очень расстроенный. Отец спросил, давно ли он работает машинистом. Оказалось, что он студент-практикант. Отец посмотрел на него сурово и сказал: «Молодой человек, Вы превысили скорость на стрелках, Вы вели поезд со скоростью около 60 км/ч, пусть это будет Вам уроком на будущее, а теперь идите спокойно работать». Машинист поблагодарил отца, заверил, что больше этого не будет. Я подумал тогда – какой мой отец добрый, таким и надо быть в жизни.

Екатерина и Григорий Будаговы

Поездки с отцом весь период моей юности вызвали во мне большой интерес к железнодорожному строительству и по-видимому решил мою дальнейшую судьбу.

В 1907 году начались работы по переустройству горных участков Сибирской железной дороги в связи с прогрессирующим утяжелением составов. На протяжении около 1200 км уклоны не обеспечивали необходимой провозоспособности. Кроме того, дорога была однопутная. Это во всей полноте выявилось во время войны с Японией в 1904–1905 гг.

Начальником работ по переустройству горных участков был назначен мой отец, Г.М. Будагов. Управление постройки разместилось в Томске, куда в том же году мы всей семьёй переехали из Москвы.

Первоначально начальником работ намечался инженер А.М. Бошняк, а отец – его помощником, но потом министерство изменило своё решение. Когда Бошняка спросили о его согласии, он ответил: «Если Будагов согласился быть моим помощником, то и я согласен быть его

помощником». (Через год он возглавил другую стройку, соединяющую Николаевскую железную дорогу с Финляндской железной дорогой, с мостом через Неву в Петербурге). Другими помощниками отца до окончания работ были инженеры А.Ф. Матусевич и Е.Ф. Сигрист. Первый был мощной комплекции, высокого роста, носил бороду и обладал громким голосом, а второй – небольшого роста, очень тихий, спокойный. По отзыву моего отца, Матусевич был хорошим инженером и администратором, а Сигрист, скорее, кабинетным работником и хорошим теоретиком.

Мы приехали в Томск через два года после бурных событий революции 1905 года. У нас дома бывали свидетели, а некоторые и участники демонстраций. Они много рассказывали, а я, шести-семилетний мальчик, слушал, с жадностью впитывал многие из этих подробностей. Как-то я обратил внимание, что у Матусевича один глаз стоит неподвижно, и спросил об этом родителей. Мне пояснили, что глаз у него стеклянный, так как казак нагайкой выбил настоящий и рассказали, как это было.

В центре города была большая площадь с собором. По одной стороне площади располагались губернское правление, дом губернатора и архиерейский дом, за забором – городской сад, по третьей стороне – мужская гимназия, а по четвертой – длинное, трёх или четырёхэтажное здание бывшего управления Сибирской железной дороги. Под влиянием рассказов очевидцев и пояснений моих родителей, каждый раз, когда я проходил мимо этого здания, пустые глазницы закопчённых окон на кирпичных стенах вызывали в моём воображении картину мятущейся толпы и казаков, избивающих народ, и людей, прыгающих из окон пылающего здания. Среди этого народа я представлял себе высокую фигуру Матусевича, громко кричавшего казакам: «Что вы делаете! Остановитесь!» Представлял и казака, ударившего Матусевича нагайкой. Свидетели рассказывали, что в разгар этого побоища томский архиерей Макарий вышел на балкон своего дома и благословлял побоище. Своим детским умом я никак не мог решить вопрос: кого Макарий благословлял –

Григорий Григорьевич Будагов со своей дочерью

избиваемый народ или казаков? Ответ стал ясен позже: Макарий был переведен в Москву митрополитами [1].

Предреволюционные годы

Неудачи на фронте весной 1914–1917 гг., нехватка продовольствия, падение стоимости денег, – всё это вызвало глухое брожение среди интеллигенции. Говорили о необыкновенной власти, которой пользовался «старец» Распутин при императорском дворе. Одного его слова было достаточно для снятия того или иного министра.

Бытовала ироническая и вместе с тем печальная поговорка: «На распутье двух хвостов Россия горемыкает». Здесь имелось в виду: Распутин и два министра однофамильца – Хвостовы и премьер-министр Горемыкин. Удивлялись, как этот тёмный, безграмотный человек Распутин мог взять такую власть над царствующими особами и их окружением.

Мне в ту пору было 15–16 лет. Учился в Александровском кадетском корпусе. Даже там, где в головы ребят усиленно внедряли

монархизм, среди кадет стали ходить анекдоты о Распутине, царе, царице, фрейлине Вырубовой, министрах. Однажды я стоял на трамвайной остановке на углу Загородного проспекта и Гороховой (теперь ул. Дзержинского). С Гороховой медленно выехал открытый экипаж в сторону Царско-сельского (Витебского) вокзала. Седок – мужчина с большой бородой, был, кажется, одет в поддевку, я сразу его узнал. В экипаже был Распутин, живший на Гороховой вблизи Загородного проспекта.

Получилось так, что наши взгляды встретились и я почувствовал, что меня пронзил ток, наподобие электрического. Это ощущение я запомнил на всю жизнь. По-видимому, именно эта внутренняя сила помогала этому проходимцу диктовать свою волю.

В Кремле

В 1929 году был проведен конкурс проектов коммунального моста через реку Оку в Нижнем-Новгороде. Этому предшествовало определение местоположения мостового перехода. Вопрос вызвал большие споры между Госпа-

роходством, управлением водного хозяйства, администрацией Нижегородской ярмарки. Было произведено обследование грузопотоков. Крайисполком для окончательного решения обязал Нижкапстрой изготовить большой макет прибрежной территории с указанием мест переходов реки по двум вариантам.

В конкурсе проектов приняли участие видные специалисты, такие как Г.П. Придери, Е.О. Патон, Стрелецкий, Болдаков и другие. Первая премия была присуждена группе профессора Шусева. Проект должен быть утверждён наркомом путей сообщения Я.Э. Рудзутак, он же зампредседателя СНК. В связи с этим в Москву отправились председатель крайисполкома Пахомов, начальник строительства Валенчевский и редактор Нижегородской газеты.

Валенчевский, некомпетентный в вопросах строительства, решил взять с собой главного инженера Карачевского-Волка, но потом передумал и предложил поехать мне, как зав. технико-производственным отделом. В таком составе мы отправились к Рудзутaku в Кремль. Меня оставили в комнате секретаря, а остальные проследовали в кабинет. Дверь в кабинет оказалась приоткрытой, и я слышал весь разговор. Рудзутак сказал: «Вы привезли проект. Но посмотрите – на моём столе два проекта. Один ваш, а второй – американского специалиста с русской фамилией Косорез. Это американец, приглашенный в Советский Союз. Его проект, очевидно, более экономичен, чем ваш. Но для решения, какой из них выбрать, мне нужен специалист по мостам». Валенчевский сказал, что такой специалист ждёт в соседней комнате. Рудзутак спросил: «Это старый, дореволюционный специалист?» Валенчевский: «Нет. Это молодой советский инженер». Рудзутак: «Пригласите его». Я вошёл. Рудзутак меня приветливо встретил и предложил сесть за стол, а сам встал рядом со мной. На столе лежали две фотографии. Одна из них изображала общий вид нашего моста, а вторая – моста американца. Первое, что бросилось в глаза, это то, что Косорез предусмотрел разводной пролёт, поэтому мост был ниже нашего. Он сильно напоминал ленинградский Охтенский мост.

При интенсивном движении судов по Оке в районе Нижнего Новгорода это крайне затрудняло судоходство. Тут начался настоящий экзамен. Рудзутак указал на одну из опор нашего проекта и спросил: «При попадании бомбы в эту опору что будет с мостом, какие пролётные строения и опоры будут разрушены?» Эти вопросы не вызвали у меня затруднений и я пояснил, что при взрывах оба моста окажутся в равном положении. Но вариант Косореза не пригоден, так как он рассчитан на разводку моста для прохождения волжских судов, делающих остановку в Нижнем Новгороде, где речной порт и пристани находятся выше моста на реке Оке – притоке Волги, что весьма невыгодно для водного транспорта. Председатель крайисполкома энергично поддержал это соображение. Рудзутак с этим согласился и написал резолюцию, утверждающую наш проект. Далее он попросил подойти всех к окну, сказав: «Посмотрите на это безобразие, на эти дома. Это работа архитектора Красина (брат Л. Красина)». Мы увидели дома – невзрачные коробки, усиленно вводившиеся в этот период. На этом закончилась встреча с Я.Э. Рудзутакom, оставившая очень хорошее впечатление об этом прозорливом и жизнерадостном человеке.

Я почувствовал большое удовлетворение от того, что наш проект утверждён, но я не мог знать того, что в ближайшее время меня ждут события, которые надолго исковеркают мою жизнь.

Смутное время сталинских репрессий

В 1928 году я был назначен зав. технико-производственным отделом Нижкапстроя, который был создан для производства работ по строительству городского моста через реку Оку и связанных с ним сооружений. Мне было тогда 27 лет. Работа была интересная и, главное, по моей специальности, поскольку я окончил институт инженеров путей сообщения по мостовому отделению. В 1929 году я пригласил присоединиться А.С. Соболева, с которым мы ещё в институте в качестве дипломной работы совместно разработали и защитили проект моста через Керченский пролив. Все наши мысли и стремления были направлены

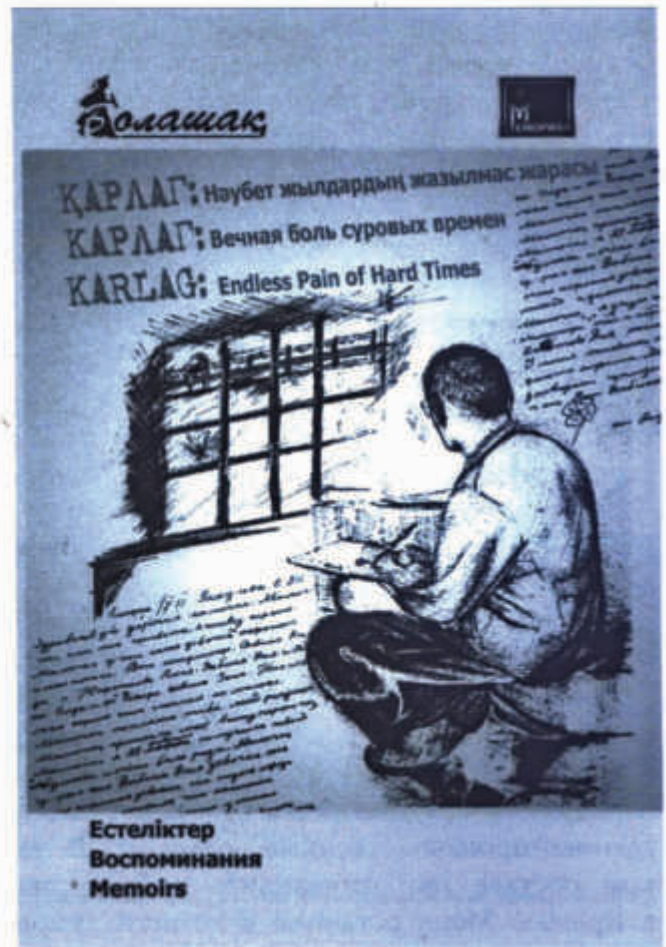

Воспоминания

на успешное и высококачественное решение всех инженерных вопросов. Здесь я должен упомянуть о двух личностях, сыгравших в дальнейшем роль в моей жизни, приведшую к трагическим последствиям.

В конце 1929 года случайно на улице я встретил соседа по ленинградской квартире А.Е. Плинера. Он познакомил меня с находившимся рядом с ним мужчиной, сказав, что это инженер – представитель английского ллойда, а он, Плинер, его сопровождает, выполняя свои служебные обязанности. По его словам, англичанин будет посещать кораблестроительные организации в соответствии с межправительственным соглашением и ставить свою визу на отдельных деталях, выпускаемых нижегородскими предприятиями. Плинер просил разрешения посетить меня дома с англичанином. Я ему ответил, что сейчас не рекомендуется иметь связи с иностранцами. Плинер меня успокоил, сказав, что при нём это безопасно, из чего я должен был понять, что полномочия Плинера гарантируют мне защиту от возможных неприятностей. Я пригласил их обоих посетить мою квартиру, которую мы с женой снимали в доме коммерческого директора фабрики Железцова. Они побывали у нас раза два или три и уехали в Ленинград. Англичанин Стивенсон был сравнительно молодой человек, по-русски не говорил, увлекался патефоном, ни о каких делах не беседовал, я с ним объяснялся по-английски с трудом (так как основательно позабыл приобретенное в детстве знание языка). Никаких подозрительных вопросов я от него не слышал.

У нас с женой часто собиралась молодежь. Я должен рассказать об одной шутке, о которой можно было бы не писать, если бы она не сыграла отрицательную роль через одиннадцать лет. Я играл на гитаре. Несколько молодых дам разместились около меня. Моя жена обратила на это внимание и смеясь сказала: «Это настоящий гарем. Ведь мой муж – потомок второй жены турецкого султана» (она назвала его имя, которое я забыл). Через какое-то время я стал замечать некоторые странности. Какие-то необычные высказывания со стороны служащих Ниж-

Обложка книги

«Карлаг: «вечная боль суровых времен»

капстрою Бибикова и Миловидовой, с которыми до сих пор у меня были только служебные разговоры. Бибиков говорил о вредительстве. Миловидова так же ему вторила. Однажды вечером, когда мы с Соболевым у него на квартире работали над одним проектом, раздался звонок в дверь, пожилой мужчина передал ему письмо и удалился. Соболев распечатал письмо. В нём было сказано, примерно следующее: «За вами и за Будаговым идёт слежка со стороны агентов ГПУ – Бибикова и его любовницы Миловидовой. Будьте осторожны. Сообщите об этом кому найдёте нужным». Подписи не было. Мы с Соболевым посмеялись. Мы знали, что мы честно работаем и нам нечего опасаться.

Ещё один факт. Как-то весной, когда разводили плашкоутный мост между центральной частью города и Канавиным (перевозка людей

осуществлялась с помощью катеров), ко мне подсел незнакомый мужчина и сказал, что он хотел бы устроиться на строительство моста. Я ему посоветовал обратиться к начальнику строительства. Он настойчиво просил, чтобы я помог ему устроиться на работу, и он за это меня отблагодарит своей деятельностью. Я не стал с ним дискутировать, сказав, что наймом на работу не занимаюсь. Чувствовал, что слежка усиливается и что всё происходящее похоже на провокацию.

В это время моя жена отправилась погостить к своей матери в Ленинград. Вслед за тем ко мне обратился Бибииков. Сказав, что его командировают в Ленинград, он просил дать адрес моей жены, которой может передать от меня письмо. С такой же просьбой он обратился к Соболеву, говоря, что может передать письмо его родственникам. Оба мы отказались от его услуг, ответив, что почта вполне нас обеспечивает. Между тем, я написал жене письмо, в котором посоветовал с Бибииковым не встречаться, указав, что он человек лукавый. Тем не менее, Бибииков разыскал мою жену, а через неё и мою сестру Е.Г. Будагову (позже – участницу Гражданской войны в Испании, погибшей в войне с Германией в 1941 году).

Вскоре и я был командирован в Ленинград по вопросу об изменении проекта опор горьковского моста – в проектное бюро, которое возглавлял профессор Передерий. В тот вечер, когда я отправил из Ленинграда в Горький новый проект, меня и, как я потом узнал, мою сестру, а также жену, арестовали. Следствие в Ленинграде вёл следователь Сливняков – корректно, объективно, без нажима.

Через десять дней меня и мою жену отправили на допрос в Горький. Меня посадили в подвал, в камеру, где находился инженер Баташов. Он сообщил, что следствие по его делу о вредительстве закончено, что его приговорили к пяти годам и что скоро его переведут в проектное бюро ГПУ для отбывания наказания. Баташов ввёл меня в курс дела о допросах. Он сказал, что ОГПУ знает, что почти все находящиеся здесь под арестом (главным образом инженеры) не виновны. Но они все должны «сознаться». Это, дескать, такая установка. Ознакомившись с моим делом,

он заявил, что это всё для показа иностранцам о якобы шпионской деятельности, выполняемой командированными в СССР иностранными специалистами. Уговаривал меня обязательно «сознаться». В этом случае я буду хорошо устроен в будущем, а если нет – смерть. Он приводил сказанные Сталиным слова, что если в каком-нибудь другом государстве орудут пятьдесят шпионов, то у нас их тысячи. А раз Сталин так сказал, то ГПУ должно подтвердить его слова.

Первые допросы меня вёл начальник экономического отдела Буканов. Он настаивал, чтобы я сознался во вредительстве, однако, вся моя деятельность, видная как на ладони, и направленная на проектирование сложных конструкций и на их осуществление, не могла бросить на меня тень. Буканов допросы прекратил и мной занялся зам. начальника особого отдела Плейн. Он обвинял меня в том, что я, якобы, передавал англичанину Стивенсону секретные данные о Нижегородской промышленности (область для меня совершенно незнакомая). Он долго бился со мной, Баташов же тем временем «обрабатывал» меня в камере. Наконец, Плейн дал лист бумаги и предложил написать всё о моих взаимоотношениях со Стивенсоном. Я написал, всё как было. Плейн прочитал. Порвал бумагу и написал следующее: «Идя по пути чистосердечного признания, показываю, что я, зная, что Стивенсон является агентом иностранной разведки, сообщал ему секретные сведения о Нижегородской промышленности». Я опять повторяю: «Ничего о нижегородской промышленности не знаю, тем более, каких-либо секретных данных». В ответ: «Всё равно подпишите. Вы мне, как чекисту, можете не доверять, но я даю честное слово коммуниста, что за это освобожу вашу жену». С величайшим волнением, ради спасения жены, я решил подписать бумагу. Тогда Плейн дал мне несколько листов бумаги, карандаш и просил подробно описать всё, что я передавал Стивенсону. На мой ответ, что я не знаю, как и о чём писать, он сказал: «Нет ничего тут трудного, напишите».

В камере я рассказал Баташову о задании, которое получил. Он меня похвалил и сказал,

Воспоминания

что поможет написать. Подробно ознакомившись с моей биографией и характеристиками, а также с характеристикой «действующих лиц», в том числе познакомившего меня со Стивенсоном Плинера, он начал мне диктовать «признание». Оно выглядело примерно так: Стивенсон спросил меня: 1. Какой длины строящийся мост через Оку. 2. Кто по мосту будет ездить. 3. Сколько будет стоить стройка. И я, будучи недовольным советской властью, ответил Стивенсону на эти вопросы.

По существу, вопросы смехотворные. Стивенсон мог прошагать по существующему в пятидесяти метрах от нового моста плашкоутному мосту. Секретов о строящемся коммунальном мосте не было в городе. Наоборот, об этом читались лекции, и всем было известно, что по мосту будет ходить трамвай, автомашины, подводы, люди. В местной печати подробно излагались данные о строительстве моста. Я спорил с Баташовым о недовольстве с моей стороны советской властью. Но он сказал, что без этой фразы мои показания не будут иметь никакой цены.

Допросы прекратились. Из подвала заключённых перевели в городскую тюрьму. Там режим был свободнее и я узнал, что через одну камеру от моей, в «одиночке», находилась моя жена. Каждое утро, когда нас выводили в уборную, жена ждала у толчка, открывала его (стекла не было) и мы успевали сказать друг другу несколько слов. Вскоре я узнал, что жена осколком стекла перерезала себе на руке вены. Надзиратель увидел стекающую на пол кровь и жену спасли, а затем выпустили на свободу. Таким образом, Плейн выполнил своё «честное слово коммуниста». Выпустили и мою сестру. Меня же отправил в Москву – сначала в Бутырскую тюрьму, а затем во Внутреннюю.

Попал в камеру (бывший номер гостиницы), в которой находились три человека: Архиепископ Московский Филипп [2], бывший кавалерийский генерал Никулин (участник Брусиловского прорыва) и профессор Межевого института Шульгин. Все, каждый в своём роде, интересные люди. Примерно через шесть месяцев меня ночью вызвали на допрос, но в другое помещение, куда принес-

ли из камеры мои вещи и предложили снять казённое бельё и надеть своё. Я напомнил, что по прибытии в тюрьму у меня взяли некоторые вещи. В ответ я услышал от какого-то чина с ромбом: «Вам вещи вообще больше не будут нужны». Появились солдаты с пистолетами и меня повели вниз по лестнице. Я решил, что ведут на расстрел, в подвал...

В передней стенке «чёрного ворона» было окошечко. Это позволяло мне видеть ночную Москву. Ещё ходили трамваи. На одном его вагоне я заметил надпись «Бутырская» и подумал, что меня везут в бутырскую тюрьму, именно там проводят расстрелы. Действительно, меня доставили в Бутырку. Появился военный с двумя шпалами на петлицах. Он спросил меня, бывал ли я раньше в этой тюрьме? Я сказал, что был в камере 72. Он заявил, что меня туда и поселят. В ней я встретил прежних знакомых. Камера, рассчитанная на 18 человек, вмещала 80–100. Каждый вновь прибывший должен был ночевать возле одной из двух «параш» у дверей. Все оставшиеся места на двухрядных нарах и на полу были заполнены лежащими. Вонь стояла невыносимая, особенно возле параш.

На следующий день меня перевели в другую камеру, бывшую церковь, предназначенную для заключённых, чьи дела уже были закончены и все знали, к чему они приговорены. Контингент был преимущественно инженерный, много специалистов строителей московского метро. Увидел инженера Мышкина, крупного специалиста в области электротехники. Почти у всех был приговор коллегии ОГПУ – десять лет с заменой расстрела.

В тот же день меня вызвали на лестничную площадку и какой-то деятель прочитал мне приговор: коллегия ОГПУ приговорила меня по статье 58 к расстрелу с заменой десятью годами концлагеря. Я возвратился с улыбкой в камеру и на вопрос, какой приговор, ответил: «Десять лет с испугом». Так именовали здесь такие приговоры.

Вскоре я попал в тюремную больницу с желудочным заболеванием, а оттуда на этап. Ехали мы в вагоне дачного типа. В одной половине размещались осуждённые по 58 статье, а в другой – уголовники. В Казани попали

в пересылочную тюрьму. Тюрьма была переполнена, спали на асфальтовом полу. Пробыл там в отвратительных условиях три недели. Все заключённые были жертвами лобковых вшей, а администрация никаких мер не принимала. Лишь перед выездом с большим трудом мне удалось в тюрьме достать средство от этой гадости.

Из Казани отправили этапом в Караганду в свободном вагоне дачного типа. В группе из десяти человек все были с высшим образованием. Каждый мог спать на нижней полке. Наша конечная станция была Караганда. Здесь, в пересыльном лагпункте, нас поместили в палату, на другой день прошли медицинскую комиссию, которая определила группу трудоспособности каждого. К первой группе, для самых тяжёлых работ, отнесли бывшего начальника Казанской железной дороги Молчана-Кухарука, которому шёл седьмой десяток. Через несколько дней заявили, что нас отправят на другой лагпункт, где мы будем составлять сметы на уже построенные для треста «Карагандауголь» сооружения – заказчика строительства. При этом надо постараться сделать всё возможное, чтобы сметная стоимость была как можно выше, это будет выгодно для ОГПУ. В лагпункт направили всю нашу группу, несмотря на то, что некоторые из нас не являлись строителями и таких смет никогда не составляли. Работу закончили в течение трёх недель и группу рассортировали по разным лагпунктам. Молчана-Кухарука отправили в Акмолинск для работы в управлении «Казжелдорстрой», меня и ещё двух инженеров – в Караганду, в инспекцию «Казжелдорстроя».

Здесь я оказался в кругу вольнонаёмных специалистов. Мне, заключённому, установили оклад, который обеспечивал возможность питания в столовой. В задачи инспекции входила постройка железнодорожных путей от станции к семнадцати угольным шахтам. Меня назначили начальником изыскательской партии, причём я один был обязан: намечать трассу угломерным инструмен-

том, быть нивелировщиком и вести пикетаж. Рабочими у меня были четыре мальчика лет по 14–15 из семей так называемых спецпереселенцев – ссыльных кулаков из европейской части страны. Ребята были проворные и работали с усердием. Нам выделили подводу под управлением мальчика-казаха. Наступила морозная зима с сильными метелями и ветрами. Вскоре я обморозил себе пальцы рук, так как при записывании показаний приборов нужно было снимать рукавицы. Мне помогали мальчики – по очереди, под диктовку вели записи показаний в соответствующие графы.

Когда закончились изыскания, началась, так же в зимних условиях, постройка дорог. Рабочими были заключённые казахи. Механизмов для земляных работ не было. Было страшно глядеть, как эти плохо одетые люди долбили мёрзлый грунт и перевозили его в тачках для возведения полотна. Мне выделили верховую лошадь, и я мог следить за строительством железнодорожных веток, разбросанных по большой степной территории.

Наступила весна, и неожиданно в доме, где я жил, появился комендант пересыльного лагеря, который дал указание собираться с ним в лагерь. Таким образом, моё относительно свободное проживание закончилось. В лагере я снова увидел Я.М. Мовчина-Кухарука, которого привезли из Акмолинска, а также профессора Московского института Н.Н. Дегтярёва. Оказалось, что всех должны отправить на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Без особых приключений мы прибыли в Хабаровск. Там нас отвели в один из концлагерей, на работы не назначали, кормили, как и всех заключённых, вопросов не задавали и нам ничего не объясняли. Через несколько дней прибыл большой начальник ГПУ по Дальнему востоку Дерibas. Мы, в составе десяти человек, решили выяснить с ним наше положение. Он сказал: «Вы здесь застряли, потому что ваше начальство плохо о вас заботится. Будут приняты меры».

Продолжение следует...

Воспоминания

Примечания:

1. Святитель Макарий (Невский) (1835–1926), митрополит Алтайский

Митрополит Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский, при рождении Парвицкий) – митрополит Московский и Коломенский (1912–1917), митрополит Алтайский (с 1920 года), выдающийся миссионер, просветитель народов Алтая, «апостол Алтая».

Родился в 1835 г. в с. Шапкино Ковровского уезда Владимирской губернии. В 1854 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, согласно его желанию, определен на службу в Алтайскую духовную миссию рядовым сотрудником. 16 марта 1861 года он принимает иноческий постриг с именем Макария – в память преподобного Макария Великого, 17 – рукоположен в иеродиакона, а 19 – в иеромонаха. В 1883 году становится начальником Алтайской духовной миссии с возведением в сан епископа Бийского, викария Томской епархии, с сохранением должности начальника АДМ, которая под его руководством достигла расцвета. С 12 февраля 1884 года – епископ Бийский, викарий Томской епархии. С 26 мая 1891 года – епископ Томский и Семипалатинский. С 1895 года – епископ Томский и Барнаульский. 6 мая 1906 года возведён в сан архиепископа. С октября 1908 года – архиепископ Томский и Алтайский. В 1912 году Преосвященный Макарий был назначен митрополитом Московским и Коломенским, священноархимандритом Троице-Сергиевой Лавры и членом Святейшего синода. В марте 1917 года новый обер-прокурор Святейшего синода князь В.Н. Львов вынудил владыку подать прошение об увольнении на покой, лишил права проживания в Троице-Сергиевой Лавре, священноархимандритом которой он был, и помещенного по статусу митрополита содержания. Ему пришлось жить в Николо-Угрешском монастыре, где его, разбитого параличом, в 1920 году навещал патриарх Тихон. Скончался Митрополит Макарий 2 марта 1926 года в селе Котельники Люберецкого района Московской области. В 1957 года прах его был перенесен в Троице-Сергиеву Лавру. В 2000 году он был причислен к лику святых. Память 16 февраля/1 марта.

В воспоминаниях Г.Г. Будагова речь идет о трагических событиях в Томске 20 октября 1905 года, когда мирный митинг недовольных «Манифестом 17 октября» закончился погромом. Вначале манифестанты мирно шли к Соборной площади с портретами царя и царицы, национальными флагами, но потом события переросли в массовые беспорядки, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. Были сожжены здания Королёвского театра и управления железной дороги, погибли несколько десятков человек. С.И. Исаков и Н.М. Дмитриенко в биографическом очерке епископа Макария отмечают монархические убеждения святителя Макария, причастность к организации в Томске отдела Союза русского народа, но во время рассматриваемых событий иерарх пытался увещевать толпу в плане прекращения погрома. Он принимал все зависевшие от него меры, чтобы отвратить народ «от такого дела, противного заповеди Христовой и позорящего имя христианское». Один, без сопровождающих, епископ несколько раз выходил к толпе и пытался остановить ее увещаниями, но его не послушали. «На мои убеждения грабившие отвечали молчанием, когда я становился у одного окна, преграждая путь для выносивших через него похищаемые вещи, они отходили к другому окну и тащили через него; когда я подходил к этому окну, они подходили к дверям и несли мимо меня похищенное. Так ни с чем я и воротился домой» (Письмо еп. Макария к А.М. Первушину от 14 нояб. 1905 г. // РГБ НИОР. Ф. 259; Русское Слово. К. 25. Ед. 45). Совещание томского духовенства под председательством епископа Макария обратилось к томскому купечеству с призывом помочь пострадавшим при погромах (было собрано 10 тыс. рублей). Впоследствии в либеральной печати его обвиняли в «благословении» на совершение беспорядков в Томске, хотя это опровергалось опубликованными свидетельствами очевидцев.

2. Филипп (Гумилевский) (1877–1936), архиепископ Владимирский

В миру Гумилевский Сергей Николаевич, родился 4 августа 1877 года в Московской губернии. В 1901 году окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 29 ноября 1920 года хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии. С 1922 года – епископ Балахнинский, викарий Новгородской епархии. В 1923 году был арестован и приговорен к ссылке. К 26 ноября 1924 г. проживал в Москве без права выезда. В 1925 году уклонился в беглопоповство. Принес покаяние. 12 апреля 1925 г. подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). В 1926–27 годах находился в ссылке в Тамбовской губернии. В мае 1927 года назначен архиепископом Звенигородским, временно управляющим Московской епархией. 18 мая 1927 года назначен постоянным членом Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии (Страгородском). 18 февраля 1931 года был арестован по подозрению в том, что якобы «информировал папу Римского о состоянии церквей в СССР», и в том, что якобы интервью митрополита Сергия 1930 г. было неискренним и должно последовать опровержение текста этого интервью. С декабря 1931 года находился в одном из концлагерей. 25 июля 1933 г. начальник 3 отделения СПО ОГПУ написал «О досрочном освобождении Гумилевского из к/л категорически возражаю». С 1934 по 26 апреля 1936 года отбывал ссылку во Владимире. В мае 1936 назначен архиепископом Владимирским. 26 апреля 1936 года был арестован. Проходил по одному делу с архиепископом Сергием (Гришиным) и епископом Афанасием (Сахаровым) (Д. П-8218 архива УФСБ по Владимирской области). 21 сентября того же года был приговорен к трем годам ИТЛ. Скончался (убит?) 22 сентября 1936 года во Владимирской тюрьме. Был погребен на местном городском кладбище. 18 декабря 1989 года был реабилитирован Прокуратурой СССР по 1931 году репрессий, в том же году реабилитирован по 1936 году репрессий.

«ЗАПИСКИ...» – ВОСПОМИНАНИЯ

Григорий БУДАГОВ (1901–1991)

Часть II

(Начало в журнале «Живоносный Источник»
№ 1(20) 2022 год)

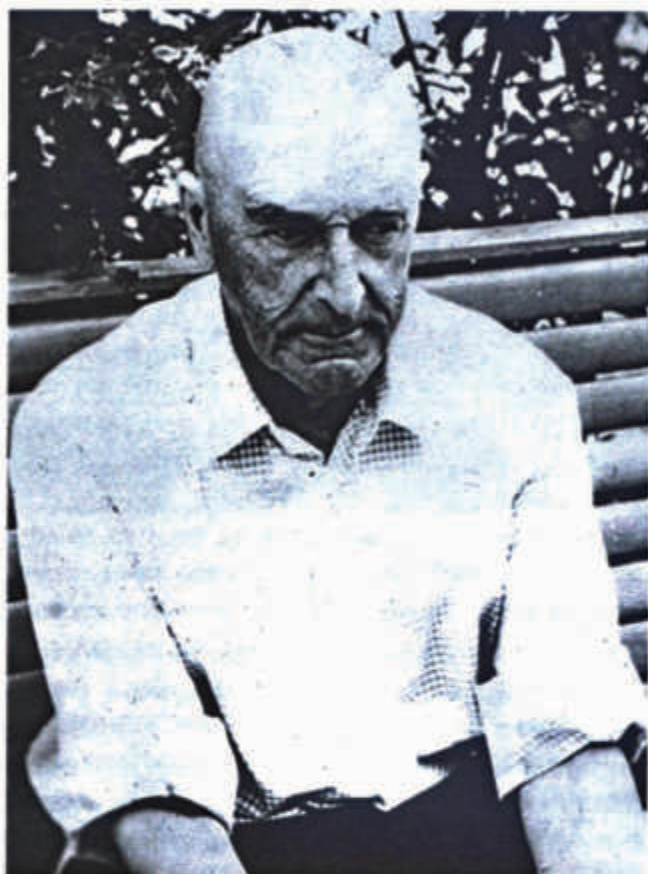
На строительстве БАМа

Через три дня явился начальник кадров БАМа, и нас под конвоем доставили в Благовещенск, где для нас был подготовлен дом. Начальник кадров сказал, что мы будем работать в Управлении строительства БАМа, получать зарплату в соответствии с должностями, но никому нельзя говорить, что мы заключенные, об этом знает лишь высшее начальство.

Меня назначили в производственный отдел старшим инженером, как куратора по строительству больших мостов и туннелей, с окладом 800 (80) рублей в месяц. Вскоре управление перебазировалось в город Свободный. Сюда из Ленинграда ко мне приехала жена, которую приняли на работу в библиотеку. Нам с супругой предоставили комнату в новом поселке. Установилась нормальная жизнь, и я перестал чувствовать себя отбывающим срок заключенным.

В начале зимы меня назначили начальником партии по изысканию мостового перехода при впадении реки Зеи в Брянту. Здесь мы организовали лагерь – две палатки, одна для тех. персонала, другая – для рабочих. Работы велись при морозе в 40 градусов. Нам удалось улучшить первый вариант НКПС, сократив объемы земляных работ.

Второй вариант перехода Зеи был выполнен у поселка Потехино, а третий – в районе поселка Журбан. В это время произошла реорганизация управления – строительство БАМа было изъято из НКПС и поручено ГУЛАГу. Я снова оказался заключенным с зарплатой 150 (15) рублей. В разгар работ по третьему варианту я получил радиограмму, в которой мне предписывалось подготовить отчет для сдачи дел другому инженеру, который должен прибыть. Приехал началь-

Григорий Григорьевич Будагов, 1985 г.

ник экспедиции и новый начальник партии из вольнонаемных. Я спросил, чем вызвана эта замена. Начальник опустил голову и проворчал: «Может быть, ничего плохого».

Добирался я до города Зея пешком по тайге, затем на автомобиле до станции Тынды и далее – поездом до Свободного. Явился в управление к начальнику изыскательного отдела Долокашвили. Он взял трубку и доложил кому-то: «Я Будагова доставил». Затем направил меня к начальнику следственного отдела. Последний задал мне вопрос: «Как вы думаете, зачем мы вас вызвали?» Ответ: «Не знаю». Вопрос: «Подумайте». Ответ: «Наверное, новое поручение?» – «Нет, за хорошую работу вам предоставляется отпуск в Ленинград на полтора месяца, но если вас это не устраивает, то продолжайте работать

Воспоминания

что я, будто бы, потомок второй жены султана. Вопрос был и о пистолете 1813 года, который был изъят при аресте. Пистолет был давно неисправен и мы, дети, кололи им орехи. Просидел я во внутренней тюрьме 14 месяцев.

Снова заключенный

В июле 1941 года мне объявили постановление Особого совещания – восемь лет лагерей, и я был отправлен этапами по железной дороге в товарном вагоне в Новосибирск. В поезде кормили соленой рыбой, и часто в жару не хватало воды. Можно себе представить, как мучились люди. Прибыли в Новосибирск в начале августа 1941 года, и поздно вечером этап был направлен в пересыльную тюрьму. Шел проливной дождь, в тюрьму не пускали. Простояли больше часа в тюремном дворе, а потом повели на этап в лагерь №3, за 5 километров. Шли насквозь промокшие, в темноте, по непролазной грязи, ослабевшие люди. Тех, кто падал, помещали в следующий за нами грузовик. Я оказался в хвосте колонны и при малейшем отставании конвоир толкал меня в спину прикладом, за что я мысленно был ему благодарен, так как это позволяло мне сделать несколько нормальных шагов вперед.

Наутро прибывших разбили по бригадам. Меня назначили бригадиром одной из них. Бригады повели на летное поле, находящееся на стадии строительства. Копали грунт и возили на тачках.

Через несколько дней меня вызвали на комиссию и в числе нескольких человек направили в другой лагерь. Здесь предоставили работу в проектно бюро. Затем нас переселили в третий лагерь, оставив на работе в том же бюро, но ненадолго.

Внезапно меня посадили в БУР – барак усиленного режима (тюрьма в лагере), куда сажали за серьезные проступки. Желая выяснить причину репрессии, я обратился к начальнику следственной части. Он встретил меня словами, что давно меня ждал и должен предъявить обвинение по статье 58–14 (контрреволюционный саботаж), а именно за побег из лагеря в 1933 году, и что я числюсь во всесоюзном розыске. Это была какая-то организационная ошибка. Вскоре после моего объяснения

я был выпущен из БУРа и отправлен в июле 1942 года в пересыльную тюрьму, как всегда, переполненную. Среди «постояльцев» находился один из видных деятелей Наркоминдела Барков, осужденный на 15 лет лагерей. В камере было много уголовников. То и дело раздавалась площадная брань. Барков, видимо, не привыкший к такому жаргону, с ужасом во взгляде оборачивался к матерщиннику.

Из пересылочной тюрьмы направили здесь же, в Новосибирске, в ОЛП-2 (отдельный лагерьный пункт), где заключенные подшивали валенки, а я работал в техническом отделе. В ОЛП-2 я познакомился с А.Г. Гаелем – соратником директора ВИР академика Н.И. Вавилова (в это время Вавилов погибал от голода в саратовской тюрьме). Осенью нас с Гаелем направили по этапу в Томск. По дороге в вагоне с нами был однорукий блатарь, который все время со злобой повторял, что, если бы у него было две руки, он отнял бы хлеб, выданный нам на дорогу.

Лагерь № 5 в поселке Чекист, в 15 километрах от Томска, был колонией для малолетних преступников, выделяющих балалайки и гитары, а во время войны был приспособлен к производству мин для минометов. Для подвоза материалов и вывоза готовой продукции строилась узкоколейка, соединяющая лагерь со станцией Черемошники, с выходом на железную дорогу Томск – Тайга.

Постройка магистрали, а также путей, соединяющая отдельные цеха лагеря в определенной последовательности, была поручена отделу капитального строительства (ОКС), куда меня направили как специалиста. Начальником ОКС был вольнонаемный инженер Трахтенберг. При изысканиях трассы узкоколейки, под конвоем солдат, мне, как инженеру-путейцу, и А.Г. Гаелю, как геодезисту, выдавали продукты «сухим пайком». Это помогло нам выйти из состояния «доходят».

Поместили нас в один из двухэтажных деревянных домов, бывших общежитий малолетних преступников ИТК-5, с нарами-вагончиками. Здесь и прожили мы до конца войны в сравнительно удовлетворительных для жилья условиях.

Первая встреча с начальником Трахтенбергом началась с того, что он задал вопрос: «У вас курить найдется?» Оказывается, он, вольнонаемный инженер, не приобретал табак, а пользовался им от заключенных. Это был человек лет тридцати, с задумчиво-рассеянным взглядом, бежавший из Киева при приближении немцев. Вспоминаю связанный с ним случай.

Для литейного цеха требовалось много песка. Песок привозили из-под Томска, с перегрузкой в Черемошниках с широкой колеи на узкую, и дальше – к литейному цеху, хотя в 1,5–2 километрах от лагеря были залежи песка. В связи с этим, начальство направило Трахтенберга, меня и еще одного заключенного специалиста осмотреть залежи и решить вопрос о целесообразности их использования. Мы решили положительно.

Через несколько дней Трахтенберг обратился ко мне с вопросом: «Вы не будете возражать, если я заявлю, что я первый сказал, что пески целесообразно брать из этих залежей? В этом случае я получу премию за рацпредложение. Вам же, как заключенным, премию не дадут, или она будет очень маленькой». Тут я вспомнил спор Бобчинского и Добчинского о том, кто первый сказал «Э». И Трахтенберг получил приличную премию.

Никаких печатных пособий в области железнодорожного строительства в лагере не было. Приходилось мне давать чертежи стрелочных переводов, пересечений, при этом старались давать конструкции наиболее простые при изготовлении. Так, например, стрелки я предложил американской конструкции, учитывая малые скорости подвижного состава.

Лагерь приобрел более мощный мотовоз. Но он больше стоял в ремонте, чем в эксплуатации: рвались цепи Галля, выходили из строя ведущие шестерни. Сделанные расчеты показали, что цепи и шестерни не выдерживают наших подъемов и нагрузок подвижного состава.

С окончанием работ по строительству железнодорожных веток из ОКСа меня перевели в транспортный отдел диспетчером. Кроме управления поездами, в мои обязанности

входили и другие работы по эксплуатации путей. Литейный цех был расположен на возвышенном месте, мотовозы были бессильны доставлять туда груженные платформы, их толкали вручную 15–20 человек. Я предложил использовать для этого электролебедку с тросом. Это было выполнено, а мне выдали премию.

В 1944 году в лагере была образована самодеятельность. Меня пригласили как гитариста, аккомпаниатора. Так я познакомился с молоденькой грациозной воровкой, очень музыкальной и обладавшей хорошим голосом. Она привязалась ко мне и называла своим отцом. Аккомпанировал я и инженеру Гольденбергу, чей голос и манера петь нравились зрителям, особенно когда он пел старинные романсы.

Наш лагерный клуб был под присмотром начальника культурно-воспитательной части (КВЧ) МГБ. Он же был цензором программ выступлений. Однажды он запретил исполнение старинной песни о Байкале и объяснил свой запрет: «Бродяга бежал из заключения, а народ ему еще и помогал. Такая тема может вызвать у заключенных вредные мысли». Тем не менее, участие в концертах украсило монотонную жизнь в заключении. Но бывали и неприятности. Так, например, в лагере был некий инженер-строитель Чернавин – человек темный, безграмотный. Однажды Чернавин, жуя пайку хлеба, сказал: «Хлеб – это питательно, в нем углеводы». Я хмыкнул: «Угу». Гаель отметил: «Новое открытие в науке – из хлеба можно добывать нефть». Чернавин однажды подсел ко мне и сделал предложение – бежать из лагеря, и даже наметил несколько вариантов. Разумеется, я отказался. Этим дело не кончилось. К нам в лагерь был доставлен молодой еврей из Эстонии. Выяснилось, что мы оба говорим по-французски. Спустя некоторое время я был вызван в следовательскую часть, где мне предложили рассказать, о чем мы разговариваем. Я ответил, что преимущественно на бытовые и отвлеченные темы. Следователь достал какой-то листок и заявил: «А ваш товарищ утверждает, что вы на французском языке вели контрреволюционные разговоры», – и зачитал

Воспоминания

показания, подтверждающие слова следователя. Тут я вспомнил, как Чернавин внимательно прислушивался к нашим разговорам и понял, что только он мог сообщить такую ерунду. Я сказал следователю, что его корреспондент даже по-русски говорит неграмотно, а по-французски не знает ни одного слова. Меня оставили в покое. Вскоре Чернавина из лагеря куда-то убрали.

Наши победы на фронтах приближали разгром фашистской Германии. Заключенные в лагере по-разному относились к нашим успехам в войне. Уголовники – воры, бандиты, растратчики – в массе своей были равнодушны, рассматривая близкое окончание войны только как возможность амнистии (в чем они не ошиблись). Осужденные по 58 статье, в большинстве своем, рассматривали победу как спасение Отечества. Наконец, этот день настал, и радость победы соединилась с мыслью, что и мы в лагерях, хоть и в малой степени, тоже потрудились для победы.

Вскоре наш лагерь перестал быть военным и был переведен на ширпотреб. Неожиданно человек 30–40 были вызваны к начальнику производства, который сказал: «Вы трудились здесь в тяжелые военные годы. Сейчас в лагерь поступает новый контингент заключенных. Это приговоренные к каторжным работам на 15–20 лет изменники Родины, служившие врагу во время войны. Содержать их будут в особо строгом режиме. Разговаривать с ними вы сможете только по делу. Если вы не готовы к этому, то вас переведут в другой лагерь». Никто не отказался.

Нас поместили в отдельный барак, разделенный на две части. В одной поместили мужчин, в другой – женщин. Сообщение через калитку. На ночь калитка запиралась. Остальных заключенных, а их было несколько тысяч, куда-то отправили. Через несколько дней мы увидели людей в белых одеждах. На спине, на ноге выше колена и на шапке у каждого были номера. Это были каторжные. Ночевали они под замком, утром на работу, а с работы – в барак, тоже под замок. Письма писать, газеты читать нельзя. Никакие игры, вроде домино, не допускались. Обращение к ним суровое. Как-то на проверке один

из каторжан что-то сказал другому. Комендант ударом кулака раскровянил ему лицо.

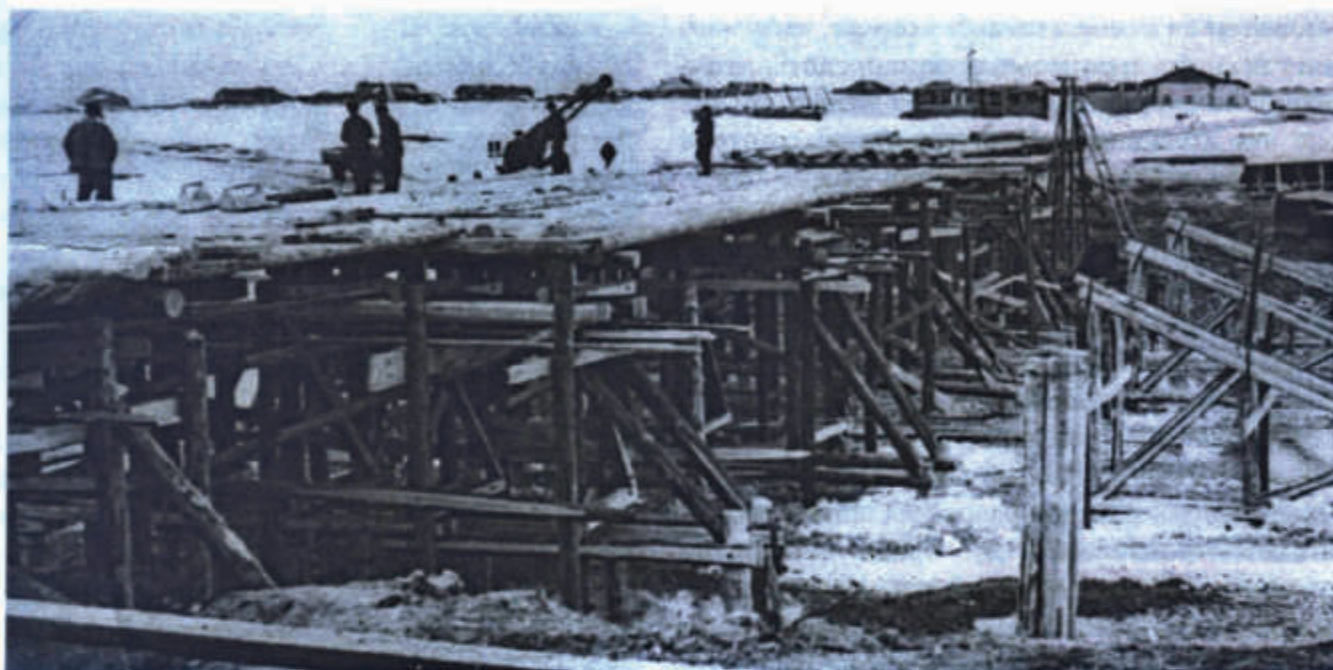
Мучительная неизвестность

23 мая 1948 года мой срок заключения кончился. Утром я надел костюм, заранее присланный моей матерью, подвязал галстук и стал ждать вызова. Но не дождался... Утром следующего дня мне сказали, что не готовы документы, а через три дня предложили получить сухой паек на два дня и вызвали на вахту с вещами. Там ждал конвоир. Мы пошагали на вокзал, километров 16. Меня посадили в арестантский вагон, который заполнили малолетними преступниками, вагон прицепили к поезду и куда-то повезли. Последняя остановка была станция Асино. Здесь всех малолеток высадили, а вагон вместе со мной повезли обратно в Томск, где поставили на ремонт. Ко мне в вагон вошел начальник конвоя (молодой человек) и спросил меня, умею ли я решать задачи по геометрии, сообщив, что он заочно учится в техникуме. Я согласился решить задачи. Затем он попросил меня одолжить ему мой коверкотовый костюм для визита к девушке. За это он обещал меня хорошо кормить и дать возможность погулять около вагона.

Я сказал, что мне важно знать, куда и зачем меня везут. Он обещал узнать по документам. Костюм вернул, задачи я решил. А насчет того, куда и зачем меня везут, он сказал, что конверт запечатан, на нем написано – в распоряжение начальника МВД по Новосибирской области.

На следующий день вагон заполнили блатными, прицепили к поезду, и мы поехали. В Новосибирске с вокзала нас отвели в тюрьму. После бани блатняков увели, а я остался и долго ждал в одиночной камере. Прошло четыре дня. Я заявил, что меня держат в тюрьме незаконно, и я вынужден начать голодовку. Перевели в другую камеру, где было человек десять. Это были осужденные на 20 лет власовцы, бандеровцы, переводчики, работавшие у немцев. Через неделю я потребовал свидания с начальником тюрьмы. Он сказал, что является лишь хозяином «гостиницы», а мой хозяин – начальник МВД по Новосибирской области. Но обещал выяснить, в чем

Фото строительства моста и работников, среди которых запечатлен Г.Г. Будагов

дело. На другой день он сказал, что меня «потеряли», и он обязан меня направить в пересыльную тюрьму.

Там я узнал, что всех, таких как я, отбывших срок по 58 статье, должны отправить в отдаленные местности Сибири на вечное поселение. В пересылке в таком же положении оказались несколько десятков людей. Все ждали

отправки. Вскоре под конвоем двух офицеров КГБ нас довели до села Чумаково Новосибирской области, где я вспомнил «Хижину дяди Тома». Это было нечто вроде покупки рабов. Там собрались все «шишки» района: директор продкомбината, зав. райкомхоза, председатели колхозов и так далее. Меня выбрал зав. райкомхозом, который сразу же

Воспоминания

повел меня к себе, сказав по дороге, что у него нет техника-строителя, и, если представитель райисполкома разрешит, то он меня зачислит на эту должность. Побывав у председателя РИКа, зав. райкомхоза сообщил мне ответ: «Поставьте его на самые тяжелые физические работы».

На поселении в Чумакове

Неделю я таскал бревна; в это время на сессии райсовета председателя обвинили в бытовом разложении и каких-то злоупотреблениях, и он потерял свое «кресло». Новый председатель разрешил мне быть техником-строителем. В это время начальство района (РИКа и райкома) жило в казенных деревянных домах, а райкомхоз должен был заниматься в них побелкой, ремонтом полов, печей и так далее. В моем распоряжении была бригада малоквалифицированных рабочих. С жильем для меня было очень трудно. Местные жители, как правило, не пускали к себе ссыльных, считая их «врагами народа», и мне некоторое время пришлось жить с людьми типа «На дне» Горького. Наконец, удалось найти дом, где меня приняли. Там в одной комнате жили хозяйка, ее дочь 16-ти лет, 90-летний старик (он все время лежал на печи и разводил вшей) и бывшая монашка из ссыльных. Старик был отцом покойного мужа хозяйки. Внучка постоянно ругала старика и говорила: «Хоть бы ты поскорее помер».

Каждые десять дней я обязан был посещать КГБ для отметки, и подписал бумагу, в которой говорилось, что если я выйду за предел населенного пункта, то это будет рассматриваться как побег и караться десятью годами заключения. Скоро я ощутил, что в Томском лагере чувствовал себя лучше, чем в ссылке. Здесь на каждом шагу местные жители и чиновники давали понять, что я «враг народа». Если в лагере я пользовался авторитетом, благодаря своей инженерной работе, то здесь мои знания и способности не имели применения (кладка печей, побелка и прочее). Поэтому среди круга чиновников и малокультурного населения я оставался изгоем.

Вот примеры обращения с ссыльными. В конторе райкомхоза было только два стола,

за которыми работали бухгалтер и счетовод. Между столами стоял стул. Когда приходил заведующий, то он садился на этот стул. Однажды этот стул стоял в другом месте. Заведующий Корольков обратился к бухгалтеру Головину, пожилому человеку: «Когда я прихожу, стул должен стоять между столами, поставьте его на место». Головин отвечал, что он не был лакеем и никогда не будет. Корольков: «Ах вы так?.. Я заставляю вас землю долбить, а не бухгалтерией заниматься!»

Проживать на прежней квартире я уже не мог. Слушать и видеть, как мучают старика, было выше моих сил. Я нашел другую квартиру, где хозяйкой была вдова репрессированного и погибшего в лагере человека. У нее был сын 15 лет, с которым мы подружились.

В 1931 году в лесхозе, в 80 километрах от райцентра, вспыхнуло восстание, подавленное прибывшим военным отрядом. Был убит один из руководителей лесхоза. Его похоронили на окраине Чумакова. В 1949 году было решено перезахоронить тело в райцентре, на площади у клуба. Комхозу поручили сделать гроб. На вопрос о размере гроба ответили, что за 17 лет кроме костей, вероятно, ничего не осталось. У нас же никаких материалов, кроме горбылей, к весне не осталось. Поэтому сколотили из них небольшой гроб и отвезли на место. Председатель райисполкома Шейкин – самоуверенный и не лишенный чванства, – дал указание, чтобы на церемонии перезахоронения присутствовали школьники. Учительница привела один из младших классов. Когда раскопали могилу, вытащили гроб и сняли крышку, оказалось, что благодаря вечной мерзлоте грунта, покойник был как живой, и только на лице у него следы нанесенных ран. Гроб тоже не подвергся изменениям. Увидев покойника, девочка-школьница упала в конвульсиях и была отправлена в больницу, а класс немедленно увели.

Еще о председателе РИКа Шейкине. Построили по моему проекту новую баню на 25 человек. Шейкин сообщил нам, в какой день он будет мыться. Банщице Шейкин поручил без его разрешения никого не пускать, и о каждом посетителе докладывать. Впускались

Почетная грамота Г.Г. Будагова от 25.04.1960 за строительство моста через р. Тартас в селе Венгерovo

только высшие представители районного масштаба. Пока он мылся, я должен был находиться в предбаннике.

Неудовлетворенный своим служебным положением и отношением окружения, я подал заявление с просьбой перевести меня куда-нибудь для работы по специальности, независимо от географического положения и климатических условий. Месяца через три мне предложили переехать в Венгеровский район для строительства моста через реку Тартас (приток реки Оби). Когда я прибыл в Венгерovo, выяснилось, что со строительством моста вопрос еще не утрясен, и я был зачислен техником-строителем в колхозах, которых в районе было 17. Пришлось быстро

изучать сельскохозяйственное строительство. Я постоянно был в разъездах. Сначала ездил на велосипеде, потом прицепил к нему мотор.

Время шло. Умер Сталин. В небытие отправился Берия, и я решился написать в МВД просьбу о пересмотре моего дела. При РИКе организовался отдел по колхозному строительству, и я был назначен и.о. начальника этого отдела, оставаясь ссыльным. Прошло два года. Ответа на мое заявление не было. Тогда я написал Ворошилову. Вслед за этим получил письмо от КГБ о том, что у меня два дела – 1930 и 1940 гг. Я понял, что пересмотр дела 1930 года аннулирован еще в 1940–41 гг.

Через два месяца, в один и тот же день, я получил два сообщения (одно из военного трибунала Москвы, а другое из трибунала Ленинграда) с одинаковым текстом о том, что постановления коллегии ГПУ и Особого совещания (1931 и 1940 годы) пересмотрены и, за отсутствием состава преступления, отменены. Я полностью реабилитирован.

Тут посыпались на меня награды – значки, грамоты, медаль, я стал начальником отдела. Однако квартиру в Ленинграде пришлось подождать до 1961 года, когда я с семьей туда и прибыл. До этого в Венгерovo я успел спроектировать и построить мост.

Я не могу пожаловаться на то, что отношение должностных лиц ко мне до реабилитации было здесь плохим. После же нее люди стали предупредительнее, убеждали меня в том, что они всегда были уверены в моей невиновности. Но что поделать – такое было время.

По возвращении в Ленинград я был принят на работу в институт Гипролентранс, где проработал несколько лет в качестве старшего инженера и главного инженера проектов. Свою служебную деятельность закончил в 1984 году, выйдя на пенсию. Жена умерла, и я остался один.

27.10.1988